

]

— О, — один из парней рядом наклонился, чтобы взглянуть, — ты хоть знаешь, что этот иероглиф читается как «Янь»?

— Янь-цзы едет в Чу! В школе не учился, что ли? — отозвался Лян Бин. — Деревня неграмотная.

Еще есть Янь Цзидао. Чу И предполагал, что Лян Бин вряд ли знает, кто такой Янь Цзидао, хотя имя Янь Шу более известное, может, хоть его он слышал...

— Эй! — рявкнул Лян Бин. — Ты че, мать твою, прикинулся мертвым? С тобой разговаривают!

Вместе с этим окриком ему в голову прилетел камень. Он был не слишком большим, куда меньше кирпича, да и Лян Бин, похоже, не вкладывал в бросок особой силы, но в голове все равно болезненно запульсировало.

— Черт, с этим типом вообще никакого интереса возиться, — сказал один из тех, кто прислонился к стене. — Если бросить в мешок с песком, хоть какой-то звук будет, а этот даже не хрюкнет... Ты что, немой, а?

Ошибка.

Я немой, блять, я заика.

Ну ты и кретин.

— Сейчас проверю, будет ли звук. — Лян Бин швырнул свой телефон на землю и двинулся к нему.

Чу И почувствовал укол жалости: после такого падения телефоном вряд ли удастся воспользоваться для «душевного общения».

— А ну, издай звук! — Лян Бин подошел ближе и ударил его ногой в живот.

Чу И быстро повернулся боком, опустив руки, чтобы защититься, и удар пришелся в локоть.

— Сука! — выругался Лян Бин и с размаху врезал ему кулаком в голову. — Звук давай!

Чу И снова поднял руки, прикрываясь. У Лян Бина что-то было на пальцах, и от этого удара по руке пронзила острая боль.

— Ты что, блять, вообще молчать будешь? — Лян Бин схватил его и швырнул в стену рядом.

Чу И с разгона влетел в кирпич, перед глазами поплыли искры, а следом по животу и спине посыпались удары. Лян Бин бил тяжело, у него перехватило дыхание.

— Эй, ты, — Лян Бин кивнул на одного из своих, — иди стяни с него штаны. Его бабушка любит щеголять с голым торсом, так и внучок, небось, любит сверкать задницей.

В это время на улицах было совсем пусто: кто ужинал, кто уже сидел дома перед телевизором, а любители вечерних прогулок еще не вышли.

Выйдя из дома, Янь Хан осмотрелся. В сторону главной улицы, где ярко горели огни, все было

спокойно. Он посмотрел в сторону дома Чу И: уличные фонари светили через один, и в темноте было трудно разобрать, происходит ли там что-то неладное.

— Пойдем в сторону его дома, — сказал отец. — Попробуй еще раз позвонить.

— Угу. — Янь Хан достал телефон и снова набрал номер Чу И.

В этот раз шли не просто длинные гудки, а «абонент недоступен».

— Что за чертовщина? — Янь Хан нахмурился.

— Пошли, — повторил отец. — Пройдемся, посмотрим. В этом районе полно всяких закоулков, небось, зажали его где-нибудь.

Янь Хан пошел следом за отцом в сторону дома Чу И. Чтобы находить такие места, ему достаточно было держаться отца — тот действовал как заправский радар. Раньше, когда отец вступал за него, он всегда попадал в яблочко.

Поэтому Янь Хан всегда подозревал, что в прошлом отец был не из робкого десятка.

— Бедолага наверняка впервые так с кем-то гуляет, вот и потерял голову от восторга, — отец на ходу закурил. — Был бы поумнее — не пошел бы в обход... Скорее всего, там.

Отец указал на развилку впереди справа:

— Туда недалеко.

Это была дорога к реке. Идти было недолго, а народу там почти не бывало. Чу И все это время старался избегать Краба, значит, не хотел конфликта, но методы Краба наверняка отличались от выходок Ли Цзыхао. В такой ситуации Чу И стал бы сопротивляться, а если начал — далеко его увести не удалось бы.

Янь Хан ускорил шаг вслед за отцом.

Стоило им свернуть и увидеть ивы у реки, как Янь Хан услышал специфический гогот, свойственный шайке хулиганов. Казалось, у уличных бандитов по всему миру есть единый стандарт — они все смеются и задираются на один и тот же манер.

— Четверо, — сказал отец. — Плёвое дело.

Миновав поворот, Янь Хан увидел под полумраком фонаря четверых парней, а посреди них — кого-то сидящего на земле.

Ту школьную форму Чу И он узнал бы, даже если б она превратилась в пепел и разлетелась по ветру.

Им оставалось метров двадцать-тридцать. Парни не заметили приближающихся, они были слишком увлечены: кто-то пнул Чу И в спину, затем Краб наступил ногой ему на руку, а другой парень уже наклонился и вцепился в пояс его брюк.

— Мразь подзаборная, — бросил отец.

Не успел он закончить фразу, как Чу И вдруг резко выдернул руку из-под ноги Краба и с размаху боднул головой того, кто стягивал с него штаны.

Парень взвыл так, что крик смешался с их гоготом.

Краб в ярости пнул Чу И в голову.

— Сука! — тихо выругался Янь Хан и рванул вперед.

Краб первым заметил, что кто-то идет, но скорость Янь Хана была такой, что тот даже среагировать не успел.

Когда Янь Хан вломился в их круг, Краб успел лишь поднять руки, чтобы закрыться от возможного удара.

Реакция для Краба была неплохой, но Янь Хан целился не в голову.

Отец всегда учил, что инерция — вещь полезная. Янь Хан подпрыгнул и, используя вес тела, влетел коленом прямо в правый бок Краба. Тот даже пикнуть не успел — отлетел назад и рухнул на землю.

Двое приятелей Краба попытались окружить его. Янь Хан не оглядывался — за спиной был отец.

Второй удар он нанес кулаком — прямо в лицо тому, кто только что пинал Чу И в спину.

Когда он развернулся, отец уже сбил одного с ног и, вцепившись в воротник другого, швырнул его в ствол дерева.

Сил он не прикладывал, парень попытался удержать равновесие, но все равно впечатался в дерево.

Когда Янь Хан поднял Чу И с земли, тот парень снова кинулся в атаку. В его руке что-то блеснуло.

— Нож, — сказал он.

Отец встретил его ударом по запястью — нож выпал.

Янь Хан и моргнуть не успел, как отец уже схватил этого типа, дотащил до ограждения и, несмотря на брыкания и крики, перекинул его через перила прямо к реке.

Шлеп!

Парень приземлился в черную грязь на берегу.

Янь Хан обернулся и посмотрел на Краба, который только-только поднялся с земли.

Чу И говорил, что Краб недавно вернулся в эти края и, видимо, пытается восстановить свой авторитет. Если он сейчас сбежит — опозорится на всю округу.

Поэтому он бросился в атаку снова.

Может, в нем разыгрался дух соперничества, а может, решил биться до последнего, но скорость, с которой он неслился, поражала.

Янь Хан едва успел оттащить Чу И в сторону, как кулак Краба оказался перед лицом. Ему

удалось лишь немного отклонить голову.

Удар кольцом удалось отвести, но что-то другое на пальце Краба все же задело кожу — на щеке появилось рассечение.

Порез был неглубоким, Янь Хан почти не почувствовал боли.

Он ударил Краба локтем по голове. Тот пошатнулся, взгляд на мгновение расфокусировался.

Но стоило Крабу снова замахнуться, как Чу И внезапно рванулся вперед.

С отчаянным рыком, почти по-звериному, он подпрыгнул и сбил Краба с ног, навалившись сверху и намертво вцепившись в него, обхватив за шею и руки.

Удар вышел такой силы, что Янь Хан слышал глухой звук столкновения.

Казалось, Краб получил внутреннее повреждение от такого напора.

Краб потерял равновесие, из-за того что руки были скованы, он не мог опереться, и в итоге, отчаянно пытаясь задрать голову, просто рухнул на землю.

У Чу И не было опыта в драках — разве что опыт того, как бьют его, но сейчас это было неважно.

Впервые за всю жизнь он сам вступил в драку.

Он мог терпеть многое, мог молча игнорировать многое, но поведение Лян Бина этим вечером... он не мог простить этого ни при каких обстоятельствах.

Когда он увидел, как кольцо Лян Бина полоснуло Янь Хана по лицу, ему показалось, что кровь сейчас брызнет из его собственных глаз.

Лян Бин свалился на землю, ударившись подбородком, и спустя несколько секунд попытался подняться.

Чу И не знал, что делать дальше, поэтому просто продолжал лежать на его спине, до боли сдавливая Лян Бина в своих руках.

Двое подельников хотели было вмешаться, но, увидев Янь Хана и Дядю Яня, стоящих по бокам, попятились и замерли.

— Мать твою, отпусти! — заорал Лян Бин.

Чу И молчал и не двигался.

— Чу И, — Янь Хан коснулся его плеча, — вставай.

Чу И засомневался, но разжал руки и отступил от Лян Бина.

Лян Бин, изрыгая проклятия, вскочил на ноги и с размаху ударил его по лицу.